

Т. Г. Иванова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В ПЕСНЯХ XVII В.

Резюме

В статье рассматриваются две исторические песни, посвященные событиям XVII в., происходившим в Сибири: «Казачи обороняют Даурский острог» и «Поход селенгинских казаков». Каждая из этих песен известна в единственном варианте в составе сборника Кирши Данилова 1730-х гг. Анализируются содержащиеся в песнях топонимы, катойконимы и этнонимы, благодаря которым в этих фольклорных произведениях реализуются функции освоения пространства и исторической памяти. Ставится проблема, почему масштабные события освоения Сибири русскими людьми в XVII в. не нашли отражения в историко-песенном фольклоре. Автор приходит к выводу, что причина заключается в малочисленности возможных носителей традиции: воинские казачьи отряды, осваивавшие в XVII в. Сибирь, не были крупными; к тому же казаки вряд ли массово возвращались в Россию. Сложившиеся в этой среде исторические поэтические произведения принадлежали исключительно местной традиции и практически не имели шансов проникнуть в общерусский историко-песенный репертуар.
Ключевые слова: Сибирь, историческое пространство, исторические песни

Tatiana G. Ivanova

THE HISTORICAL SPACE OF SIBERIA IN SEVENTEENTH-CENTURY SONGS

Abstract

This is a study of two historical songs about events that took place in Siberia in the 17th century: "Cossacks Defend Daur's Burg" and "Campaign of the Selenga Cossacks". Each of the songs is known in a single version found in the collection of Kirsha Danilov from

© Т. Г. Иванова, 2020

1730s. The article analyzes toponyms, katoikonyms, and ethnonyms which embody the functions of conquering the territory and historical memory in these folk texts. The article draws attention to the fact that large-scale events of the seventeenth-century colonization of Siberia by Russians were not reflected in historical folk songs. The author argues that the reason for that lies in the small number of possible bearers of the tradition: the military Cossack squads operating in seventeenth-century Siberia were not large, and not many of the Cossacks returned to Russia. Therefore, any historical poetic text that developed in this environment belonged exclusively to the local tradition and had virtually no chance to enter the general Russian repertoire of historical songs.

Keywords: Siberia, historical space, historical songs

DOI 10.31860/2712-7591-2020-2-13-26

Историческое сознание русского народа, отраженное в устных преданиях, строящихся на основе фольклорных законов, получило полнообъемное освещение в зрелых трудах Н. А. Криничной. Целая серия ее книг об исторических преданиях прочно вошла в отечественный фольклористический багаж. В начале же научного пути в центре внимания исследовательницы находился другой жанр — исторические песни. Именно им она посвятила свою кандидатскую диссертацию, опубликованную как монография (см.: [Криничная]), где фольклористка сосредоточилась на песнях Смутного времени. Мы из проблематики песен XVII в. решили остановиться на пространстве Сибири.

Историческим пространством в песенно-нарративном фольклоре (былины, исторические песни, духовные стихи) мы называем пространство, обозначенное топонимами, отражающими реальные локусы.

XVII век — это время освоения русскими людьми Сибири. После основания первых русских городов [Кочедамов; Артемьев, 1999] в Западной Сибири: Тюмени на месте бывшей столицы Сибирского ханства (1586), Тобольска на Иртыше (1587), ставшего столицей русской Сибири, Березова (1593), Обдорска (1595) — в течение всего одного столетия русские люди прошли до Камчатки. В 1601 г. была основана Мангазея (1601; на р. Таз, в месте впадения в нее р. Мангазейки); в 1604 г. — Томск (на р. Томи, правом притоке Оби); в 1607 г. — Туруханск (первый город на Енисее); в 1619 г. — Енисейск; в 1628 г. — Красноярск на Енисее.

В 1630-х гг. началось освоение Лены. В 1630 г. был построен Киренский острог, в 1632 г. — Якутск (среднее течение Лены), в 1633 г. Иван Ребров достиг устья Лены. В 1638 г. было учреждено Якутское воеводство, ставшее опорной точкой для освоения дальнейших восточных и южносибирских территорий.

В 1643 г. русские появились на Байкале (и тогда же — на Колыме). 1640-е гг. — это время казачьей экспедиции Василия Пояркова в Приамурье (Даурия, 1643), сплава по Амуру до Охотского моря, похода казаков против бурят в Ангарскую степь (1644–1645). В 1648–1653 гг. Ерофей Хабаров также совершает походы в Даурию. В это же время разворачиваются конфликты между сибирскими казаками и князьями — вассалами маньчжурской династии Цин (1649–1689). В 1653 г. в Забайкалье ставятся Читинский и Нерчинский остроги; в 1661 г. на Ангаре основан Иркутск; в 1665 г. — Селенгинский острог на р. Селенге; в 1666 г. — Удинский острог на р. Уде.

В конце 1640-х гг. русские осваивали уже и Тихоокеанское побережье. В 1647 г. Иван Московитин основал Охотск; в 1648 г. Семен Дежнев проходит Берингов пролив, отделяющий Чукотку от Аляски. Через 50 лет, в 1697–1698 гг., происходит присоединение к России Камчатки, на которую пришел Владимир Атласов.

Загадкой в фольклорной традиции является тот факт, что все эти исторически значимые масштабные события никак не отразились в историко-песенном фольклоре. Устная поэзия не воспела ни одного из русских первопроходцев Сибири. Более того, в отличие от поволжских и донских земель, ставших «своими», русскими, в XVI в. и занявших прочное положение в песенном фольклоре последующих веков (с детальным названием притоков Волги и Дона, с перечислением городов, как старых татарских, так и появившихся в эпоху прихода русских, с именованьем казаков различных донских станиц), громадные территории Сибири в песнях XVII в. не нашли места (исключение составляют две песни, о которых будет сказано далее). Сибирские топонимы в основных сюжетах XVII в., включенных в академическую антологию [Исторические песни XVII в.], практически не упоминаются.

Прилагательное «сибирский» в этом корпусе текстов предстает эпитетом со значением «наилучшего качества». Этот эпитет, как известно, частотен в былинах и исторических песнях XVI в., встречается он и в песнях XVII столетия. Так, в одном из вариантов песни «Сынок Степана Разина» «сынок» (разведчик атамана вольницы) «нарозмашечку идет, / *А сибирской-от кушачек* / Во белых руках несет» (№ 178, ст. 8–10)¹. В другой строке этого же текста — «Он *сибирским-то обувателям* / Челом не бьет» (№ 178, ст. 17) — возможно, мы имеем дело с испорченным поволжским топонимом

¹ Здесь и далее указывается номер текста и стихи.

«симбирский». Как бы то ни было, эпитет «сибирский» для темы исторического пространства песен XVII в. оказывается не показательным.

Более интересным представляется упоминание топонима *Сибирь* в песне о Василии Шуйском (1552–1612; русский царь с 1606 по 1610), где высказывается сочувственное отношение к этому правителю Смутного времени: «злы бояре» погубили православного царя Василия Ивановича — «*во Сибирь* его послали» (№ 73, ст. 19). Василий Шуйский после низвержения с престола, как известно, был увезен в Польшу, где и скончался (скорее всего, был убит) в 1612 г. в Гостыньском замке. Историческая песня не помнит об этих обстоятельствах, а называет ссылку в Сибирь. Сибирь, укажем, стала местом ссылки с 1593 г., когда жители Углича, причастные к событиям, связанным со смертью царевича Димитрия, младшего сына Ивана Грозного, были высланы в Пелымский острог (основан на левом берегу р. Тавды ниже устья р. Пелым в 1591–1593 гг.). В 1599 г., при Борисе Годунове, туда же были отправлены стольники Василий и Никита Романовы. В XVII в. в сибирской ссылке оказалось не менее 1500 человек. Таким образом, песня определенным образом отражает формирующуюся реалию — сибирскую ссылку.

В песнях разинского цикла имеется еще один неожиданный сибирский топоним — *Амур-река*. В одном из вариантов сюжета «Разин остается один» казачий атаман просит товарищей похоронить его; они тело «погрузили во Дунай-реку» (№ 311, ст. 45; явный отголосок топонима, имеющего мифологические смыслы), после чего сами

Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати.
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горы распрощались.

(№ 311, ст. 46–51)

Включение топонима (гидронима) «Амур-река» в текст разинской песни явно произошло случайно и никак не обусловлено реальным ходом событий восстания Степана Разина. Скорее всего, гидроним проник в песню не в XVII в., а много позднее — возможно, в XIX в., когда этот вариант был записан в Петрозаводске.

Приведенными примерами, собственно говоря, и исчерпывается тема сибирского пространства в исторических песнях XVII в., которые многообразно в разных сюжетах запечатлевают события Смутного времени, составляют яркий Азовский цикл (взятие казаками турецкой крепости Азов), отражают болезненную для Русского государства проблему возвращения

Смоленска, отошедшего Речи Посполитой, остро реагируют на Соловецкое восстание (отказ монахов принять реформы патриарха Никона), наконец, ярко рисуют Степана Разина и его казаков. Превращение же Сибири в «свое» пространство, повторим еще раз, остается почти полностью за пределами историко-песенной традиции.

Непосредственно сибирским событиям и сибирскому пространству посвящены всего две исторические песни XVII в.; обе они представлены в сборнике Кириши Данилова, который составлен, согласно исследованиям, в 1730-х гг.² Очевидно, что песни «Казакки обороняют Даурский острог» (№ 108 по антологии [Исторические песни XVII в.]) и «Поход селенгинских казаков» (№ 109) были созданы в среде казаков, непосредственно пребывавших в Сибири.

Историческое содержание песни «Казакки обороняют Даурский острог» рассмотрено в статье В. С. Левашова [Левашов]. Исследователь сопоставляет устную песню с письменным документом от 4 апреля 1655 г. «Отписка Якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому приказного человека Онуфрия Степанова о присылке в Комарской острог пороха, свинца и писчей бумаги, об отправлении в Москву ясачной казны и о приступе Богдойских ратных людей к означенному острогу» [Дополнения. Т. 4] и указывает на явные сходства. Нам важно выяснить, как и какое историческое пространство отражается в фольклоре.

Песня начинается строками: «Во сибирской во украине, во Даурской стороне» (№ 108, ст. 1–2). «Украиной» (окраиной, окраиной, оукраиной) в древнерусских летописях начиная с XII в. называлось пограничье, то есть земли, расположенные на рубежах той или иной территории [Срезневский, стб. 1184]. В 1630-х гг. лексема для определенного региона начинает превращаться из имени нарицательного в имя собственное: в документах появляется топоним Слободская Украина (земли нынешней Харьковской, Сумской областей Украины и Белгородской, отчасти Воронежской областей России). В конечном счете Украиной стали называть одно из восточнославянских государств. Для формулы же «сибирская украине» подобная языковая трансформация реализована не была.

Даурская сторона (Даурия) — регион, названный русскими землепроходцами по этнониму — имени народа, проживавшего до середины XVII в. в крае, на территории которого в настоящее время находятся Республика Бурятия, Забайкальский край и Амурская область (Байкальская

² См. авторитетное издание: [Древние российские стихотворения]. Биографические данные о Кирише Данилове см.: [Горелов, 1995]; [Горелов, 2001]; [Горелов, 2008].

Даурия, Витимо-Олёкминская Даурия, Селенгинская Даурия, Нерчинская Даурия). Впервые русские на эту территорию проникли в 1643 г., когда казачий отряд Василия Пояркова с целью сбора ясака (дани) прошел по Даурии, чиня страшные бесчинства. При приближении второго отряда — Ерофея Хабарова — дауры покинули свои селения и переселились на правый берег Амура, в пределы маньчжурских властителей.

Песня строится по законам былинной эпической традиции: казаки, вопреки исторической действительности, не являются наступательной стороной, а защищают «свое» пространство — острог (ср. с былинной ситуацией — богатыри обороняют Киев от татар); победа по эпическим законам оказывается на стороне казаков, а нападающие бегут со словами «А не дай, боже, напередки бывать!» (№ 108, ст. 89; ср. с соответствующей формулой Калина-царя в былинах).

Начавшееся освоение казаками пространства на культурном уровне в песне закрепляется именами рек:

*В Даурской стороне,
А на славной на Амуре-реке,
На устье Комары-реке
Казаки царя белого
Оне острог поставили.*

(№ 108, ст. 3–7)

Комара-река (Кумара-река) — это правый приток **Амура** Хумаэрхэ (Хумархэ) (435 км). Эта река в настоящее время относится к китайской провинции Хэйлунцзян. Среди русских казаков, проникших на правобережье Амура, река получила название Кумара (Комара) в связи с тем, что на языке местных племен она именовалась Хумаар.

Осенью 1654 г. казаки Онуфрия Степанова основали на речном острове при впадении Кумары в Амур Кумарский острог. (ил. 1) Это было деревянно-земляное укрепление, окруженное рвом и земляным валом, на котором стоял двойной тын с вбитыми в него землей и мелким камнем; в остроге стояли пушки. Казаки использовали также так называемый чеснок — вбитые за валом соединенные звездообразно острые штыри, эффективно задерживавшие нападающую конницу и пеших воинов [Дополнения. Т. 4, с. 29, № 8 («Отписка Якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому приказного чело- века Онуфрия Степанова...»)]³. А. Р. Артемьев, специалист по истории градостроительства в Сибири, отмечает серьезность этого острога: «...на конец 1654 — начало 1655 г. он является едва ли не единственным во всей Сибири

³ См. об остроге: [Артемьев, 1989, с. 17–21].

Ил. 1. Карта р. Амур с Кумарским острогом

дерево-земляным укреплением, приспособленным к отражению пушечного боя» [Артемьев, 1989, с. 20]. На территории Западной и Восточной Сибири русские не сталкивались с народами, владевшими огнестрельным оружием, поэтому и остроги строились менее укрепленными; на юге же Сибири казакам предстояло противостоять воинам, знавшим китайское изобретение — порох.

Песня достаточно точно описывает острог:

Круг оне острогу Камарского
 Оне глубокой ров вели,
 Высокой вал валилися,
 Рогатки ставили,
 Чеснок колотили,
 Смолье приготовили.

(№ 108, ст. 13–18)

Далее ход исторических событий был следующим. В начале 1655 г. цинский⁴ военачальник Минъгандали с отрядом около тысячи маньчжур-

⁴ В XVI–XVII вв. на территории Маньчжурии (современные Приамурье и Приморье России, северо-восток современного Китая) сложилась Цинская империя, возглавляемая династией Цин — представителями тунгусо-маньчжурского этноса. В 1644–1683 гг. маньчжуры распростра-

ских воинов и девяти тысяч воинов из племен дауров и дючеров направился к Кумарскому острогу. Согласно песне, цинское войско появилось «с хребта Шингальского» (№ 108, ст. 29). Имеется в виду *Малый Хинган* — горный хребет, проходящий по территории нынешних китайской провинции Хэйлуцзян и Еврейской автономной области и Амурской области России.

13 марта цинская армия под множеством боевых флагов подошла к острогу, причем в первый же день были захвачены 20 казаков, находившихся в лесу, где они рубили деревья для строительства судов. Все эти детали — знамена, пленение группы казаков — запечатлены в песне:

Выкаталася значечка,
Выкаталася значечко большее.
(№ 108, ст. 32–33)

Ровно двадцать пять человек
Выходили молодцы оне
На славну Амуру-реку
С неводочками шелковыми
Оне по рыбу свежую {...}
Полонили молодцов.
(№ 108, ст. 20–46)

Миньгандали несколько недель осаждал острог, обстреливая его из пушек, но, испытывая недостаток в запасах продовольствия, вынужден был уйти. В июне 1655 г. казаки, также не имея хлебных запасов, разрушили Кумарский острог и покинули его. Некоторое время они плавали по Амуру и его притокам, вступая в военные столкновения с местным населением и цинскими войсками, и, потерпев тяжелое поражение, ушли из Приамурья.

Обратим внимание на то, что песня, сохранив целый ряд географических названий (*сибирская украина, Даурская сторона, Амур-река, Камарский острог, Шингальский хребет*), не запомнила ни одного имени исторических персонажей. Так, имя Онуфрия Степанова, возглавлявшего оборону Камарского (Кумарского) острога, песня не упоминает. Правда, укажем вслед за А. А. Гореловым [Горелов, 1962], что автор Сборника Кирши Данилова это имя знал. В песне «На Бузане-острове» из Ермакова цикла Анофрей Степанович является казачьим атаманом, сподвижником Ермака Тимофеевича:

нили свою власть на Китай, взяв Пекин. В 1858–1860 гг. по договору часть территории Маньчжурии перешла России (Приамурье и Приморье).

Во беседочках тут сидели атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.

[Древние российские стихотворения, с. 64]⁵

Очевидно, что имя Онуфрея Степанова первоначально все-таки попало в песни XVII в., затем по каким-то причинам выпало из песни «Казачи обороняют Даурский острог» и вошло в текст песни совершенно другого времени — Ермакова цикла.

Имя маньчжурского военачальника Минъандали песня, что, впрочем, ожидаемо, также не знает. Этот герой именуется «боидоской князец» («Идет боидоской князец, он со силою поганою», № 108, ст. 36–37) — формулой, близкой к этнониму, но не являющейся таковой. Формула «боидоской князец» явно происходит от монгольского слова «богдо(ы)хан» («святой хан», «священный государь»). Так в русских грамотах XVI–XVII вв. именовались императоры Китая — династии Цин [Гольман, с. 644]. Соответственно, в русском языке употреблялись «богдойский царь», «богдойский князь», «богдойский хан», «Богдойское царство» (то есть Цинская империя). Песенный «боидоской князец» — подчиненный императора.

Топонимы в песнях, подчеркнем, реализуют две важнейшие функции фольклорной традиции. Первая — это функция освоения пространства. Называя целый ряд новых для русского сознания локусов, песня тем самым стремится данное пространство сделать «своим». Однако пространство реки Комары (Хумаэрхэ, правого притока Амура) так и не стало «своим» для России. В этом, вероятно, кроется одна из причин быстрого исчезновения песни «Казачи обороняют Даурский острог» из устного репертуара. Ее еще помнили в 1730–1740-х гг. (время деятельности Кириши Данилова), но вскоре забыли: песня известна в единственном варианте.

Помимо функции освоения пространства топонимы реализуют в песенных формах также функцию исторической памяти, причем географические названия оказываются, как мы показали, гораздо более устойчивыми, чем антропонимы.

Вторая сибирская песня — «Поход селенгинских казаков», — в отличие от песни «Казачи обороняют Даурский острог», не ориентирована

⁵ По сборнику [Исторические песни XIII–XVI вв.] — текст № 356 («Казачи убивают царского посла»). См. также песню «Ермак взял Сибирь» из Сборника Кириши Данилова (текст № 368 по сборнику [Исторические песни XIII–XVI вв.]).

на поэтику былин. Суть этой песни — насмешливое «воспевание» неудачного нападения казаков на «мунгальские» улусы.

Как и первая сибирская песня, этот сюжет начинается с обозначения водных локусов, формирующих пространство:

А за славным было батюшкой за *Байкалом-морем*,
А и вверх было *по матке Селенге по реке*,
Из верхнего острогу Селендинского.

(№ 109, ст. 1–3)

На *Байкале* русские, повторим еще раз, появились в начале 1640-х гг. В 1641–1642 гг. в верховьях Лены, подходящих к северо-западному берегу Байкала, тобольскими казаками Курбата Иванова, а затем Василия Колесникова был поставлен Верхоленинский острог. Выйдя к Байкалу, казаки переправились на остров Ольхон, а затем достигли юго-восточного побережья. В 1640-х гг. были поставлены Верхнеангарский (1647, северо-восточная оконечность Байкала) и Баргузинский остроги (1648, на р. Баргузин, впадающей на юго-востоке в озеро).

Опираясь на фольклорную поэтику, Байкал получает в песне имеющий давнюю историю эпитет «славный» и наделяется родительской семьей «батюшка»; река Селенга именуется «маткой». В области поэтики песня, таким образом, использует опыт фольклорной традиции.

Селенга — крупнейшая река, впадающая в Байкал с юго-востока. Селенгинский острог [Кочедамов; Артемьев, 1999, с. 64–72] был основан в 1665 г. на правом берегу реки казачьим пятидесятником Гаврилой Ловцовым, вскоре пожалованным в боярские дети, — в 6,5 км ниже впадения в Селенгу р. Чикой. (ил. 2) В остроге была построена церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа. В 1672 г. в Селенгинский острог был сослан обвиненный в измене бывший гетман Левобережной Украины Демьян Игнатьевич Многогрешный с семьей. В 1675 г. в остроге было 30 изб, в которых проживало более 200 человек. В 1727 г. новая Селенгинская крепость строилась, что небезынтересно, ссыльным Абрамом Петровичем Ганнибалом. В 1745 г. Селенгинск стал крупнейшим городом в Забайкалье (более 4000 жителей). В 1840 г. город был перенесен на левый берег реки.

Согласно песне, из *Селендинского (Селенгинского) острога* казаки Федора Дементьяновича («Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович», № 109, ст. 10) и его брата Прокопея Козеева («Есаулом походил у него брат родной, / А по имени Прокопей Козеев молодец», № 109, ст. 11–12) вместе с «тобуноцкими» мужиками переправились через Селенгу и напали на «мунгальские» улусы, когда мужчины находились в тайге («за зверьями»). «Черными мунгалами» называли забайкальских бурят. «Тобу-

ночкие мужики» — это табунаты, еще одно из близких к бурятам племен. Казаки, бесчинствуя, полонили «жен-детей мунгалов», переправились за Селенгу, опились кумысом, после чего мунгалы отбили пленных, поранили казаков, которые вернулись в острог, где «хвастают казаки, селендинские молодцы, / А своими ведь дырами широкими» (ст. 36–37).

Очевидно, что песня «Поход селенгинских казаков» была создана казаками, не участвовавшими в этом событии. Это песня — насмешка одной группы казаков над другим казачьим сообществом.

В. С. Левашов, указав на постоянные вооруженные конфликты между казаками и мунгалами (набеги казаков на улусы, попытки мунгалов взять Селенгинск в 1681 и 1685 гг., захват ими скота селенгинских жителей в 1691 г.), на основании письменных документов («Отписка Селенгинского приказного человека Ивана Корытова в Иркутск Николаю Полтеву и выборному городскому судье об опасном положении Селенгинска по случаю грабежей, делаемых монголами...» — [Дополнения. Т. 10, стб. 286–292, № 67]) выдвигает гипотезу, согласно которой в основу песни положено «действительное событие — поход селенгинцев на монголов в июле 1691 года» [Левашов, с. 31]. Тогда в военном предприятии, направленном против мунгалов, участвовали казаки, посольские стрельцы, прибывшие из Москвы вместе с окольниковым Федором Головиным в 1687 г., а также табунаты. Именно эти три группы названы и в песне:

Ил. 2. Карта р. Селенги с Селенгинским острогом

Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селендинским казакам,
А вторая высылка — посольским стрельцам,
На подачу им даны были тобуночки мужики.

(№ 109, ст. 5–8)

Функции освоения пространства и исторической памяти в этом фольклорном произведении реализуются так же, как и в первой песне, прежде всего через топонимы, катойконимы и этнонимы (*Байкал-море, Селенга-река, острог Селендинский, селендинские казаки, тобуночки мужики, улусы мунгальские, мунгалы*). Однако, подчеркнем, в этой песне, в отличие от сюжета «*Казаки обороняют Даурский острог*», упоминаются два имени — воевода Федор Дементьянович и его брат Прокопей Козеев. Второе имя никак не идентифицируется; первое исследователи трактуют как имя нерчинского воеводы Федора Дементьева Воейкова, который к Селенгинску имел опосредованное отношение. Стольник Федор Дементьевич Воейков (1628–1710) занимал должность нерчинского воеводы с апреля 1681 по 1683 г. Нерчинск в Забайкалье этого времени являлся региональным центром. На 1691 г., к которому В. С. Левашов приписывает события песни, Ф. Д. Воейков в Нерчинске уже не находился. Имя Федора Дементьяновича в песне, таким образом, оказывается случайным, не отражающим содержание данного исторического сюжета, то есть функцию исторической памяти в песне опять выполняют топонимы, а не антропонимы. Топонимы, подчеркнем, оказываются гораздо более историкоёмкими, чем имена исторических лиц.

Вернемся к той загадке, которую мы обозначили в начале статьи: почему масштабное освоение Сибири столь невыразительно отразилось в историко-песенном фольклоре, каковым мы его знаем по записям XVIII–XX вв.? Попытаемся найти ответ на этот вопрос в обстоятельствах, лежащих вне фольклорной традиции.

Сибирь первоначально осваивалась исключительно воинскими казачьими отрядами — очень малочисленными. Достаточно сказать, что отряд Василия Пояркова, в 1643–1644 гг. прошедший по Даурии, насчитывал всего 133 человека. Ерофей Хабаров в Даурию в 1649 г. отправился из Якутска с 70 казаками. Кумарский острог в 1654 г. был основан отрядом Онуфрия Степанова численностью 500 человек. Селенгинский гарнизон в 1688 г. насчитывал 294 казака. Земледельческое население в необъятные сибирские просторы потянулось позднее.

Вероятно, в казачьих отрядах были люди, наделенные поэтическим даром. Они-то и складывали какие-то песни, посвященные значимым эпизодам в освоении новых земель. Эти произведения, не исключаем, входили

в традицию, но в традицию исключительно местную, подчеркнем, — узко местную. Даже внутри Сибири обмен песнями между разными отрядами казаков, а следовательно, и распространение новосозданных сюжетов были чрезвычайно затруднены. Укажем также на однонаправленный вектор движения казаков: Россия → Сибирь. Вряд ли рядовые казаки массово возвращались в Россию. Сибирские песни не имели возможности проникнуть в общерусский историко-песенный репертуар.

Складывание (а вернее, нескладывание) сибирской темы в историко-песенном фольклоре, таким образом, напрямую обусловлено внефольклорным фактором — малочисленностью возможных носителей традиции. К тому же, без сомнения, кратковременность жизни казаков в Сибири (гибель в военных столкновениях, болезни, голод) не позволяли песням прочно закрепиться в традиции. Песни были обречены на кратковременную жизнь. Две песни из Сборника Кирши Данилова — это уникальные осколки кратковременно существовавшего репертуара сибирских исторических песен.

Литература

- Артемов, 1989 — *Артемов А. Р.* Опыт характеристики оборонительных сооружений Кумарского острога по описанию // Археологические и исторические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 17–21.
- Артемов, 1999 — *Артемов А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. Владивосток: ДВО АН СССР, 1999. 336 с.
- Гольман — *Гольман М. И.* Богдохан // Большая российская энциклопедия. М.: Большая рос. энциклопедия, 2005. Т. 3. С. 644.
- Горелов, 1962 — *Горелов А. А.* Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1962. Т. 7. С. 293–312.
- Горелов, 1995 — *Горелов А. А.* Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор: Эпические традиции: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1995. Т. 28. С. 97–110.
- Горелов, 2001 — *Горелов А. А.* Разговор с биографами Кирши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 31. С. 76–90.
- Горелов, 2008 — *Горелов А. А.* Кирша Данилов: «Вот эта улица, вот этот дом...» // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 121–131.
- Дополнения. Т. 4 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. 4.
- Дополнения. Т. 10 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Э. Праца, 1867. Т. 10.
- Древние российские стихотворения — Древние российские стихотворения, собранные Киршеном Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 487 с.

- Исторические песни XIII–XVI вв. — Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Наука, 1960. 696 с.
- Исторические песни XVII в. — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л.: Наука, 1966. 385 с.
- Кочедамов — *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
- Криничная — *Криничная Н. А.* Народные исторические песни начала XVII века. Л.: Наука, 1974. 180 с.
- Левашов — *Левашов В. С.* Военно-исторические песни предков забайкальских казаков // Учен. зап. Читинского гос. пед. ин-та. 1971. Вып. 23. С. 15–34.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. АН, 1903. Т. 3. 1684, 272 стб., 13 с.

References

- O. B. Alexeyeva, B. M. Dobrovolskii, L. I. Emel'yanov, V. V. Korguzalov, A. N. Lozanova, B. N. Putilov, L. S. Sheptayev, eds. (1966). *Istoricheskie pesni XVII veka*. Moscow, Leningrad: Nauka, 385 p.
- Artem'ev, A. R. (1989). 'Opyt kharakteristiki oboronitel'nykh sooruzhenii Kumarskogo ostroga po opisaniyu', in: *Arheologicheskie i istoricheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok: Dal'nevostochnoe otdelenie Akademii nauk SSSR, 17–21.
- Artem'ev, A. R. (1999). *Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII–XVIII veka*. Vladivostok: Dal'nevostochnoe otdelenie Akademii nauk USSR, 336 p.
- Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiiyu*. Sankt-Peterburg. Vol. 4 (1851); Vol. 10 (1867).
- A. P. Evgen'jeva, B. N. Putilov, eds. (1977). *Drevnie rossijskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshyevy Danilovym* Moscow: Nauka, 487 p.
- Gol'man, M. I. (2005). 'Bogdokhan', in: *Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya*. Moscow: Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya. Vol. 3, 644.
- Gorelov, A. A. (1962). 'Kem byl avtor sbornika "Drevnie rossijskie stikhotvoreniya"', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Leningrad. Vol. 7, 293–312.
- Gorelov, A. A. (1995). 'Kirsha Danilov — real'noe istoricheskoe lico', in: *Russkii fol'klor: Epicheskije traditsii: Materialy i issledovaniya*. Sankt-Peterburg. Vol. 28, 97–110.
- Gorelov, A. A. (2001). 'Razgovor s biografami Kirshi Danilova', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Sankt-Peterburg. Vol. 31, 76–90.
- Gorelov, A. A. (2008). 'Kirsha Danilov: "Vot eta ulica, vot etot dom..."', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Sankt-Peterburg. Vol. 33, 121–131.
- Kochedamov, V. I. (1978). *Pervye russkie goroda Sibiri*. Moscow: Stroizdat, 190 p.
- Krinichnaya N. A. (1974). *Narodnye istoricheskie pesni nachala XVII veka*. Leningrad: Nauka, 180 p.
- Levashov, B. S. (1971). 'Voенно-istoricheskie pesni predkov Zabaikal'skikh kazakov', in: *Uchenye zapiski Chitinskogo gosudarstvennogo instituta*. Vol. 23, 15–34.
- B. N. Putilov, B. M. Dobrovolskii, eds. (1960). *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov*. Moscow, Leningrad: Nauka, 696 p.
- Sreznevskii, I. I. (1903). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 3.